

«ТРАВИАТА» В СЕНТРАЛ-ПАРКЕ,

или Некоторые суждения о музыкальных вкусах американцев

Джеймса Вулфенсона, нью-йоркского банкира, я не очень-то удивил своим вопросом.

— Не только у вас, в Советском Союзе, — сказал он, — но и в других странах Европы существует полнейшее непонимание того, каковы наши вкусы, как относимся мы к классической музыке, к оперному искусству, к балету, к драматическому театру...

Почему разговор о вкусах и привязанностях американцев — а своим вопросом я дал знать, что, как убеждены у нас многие в России, Америка не слишком тяготеет к искусству утонченному, — почему разговор об этом зашел именно с банкиром? Да потому, что Джеймс Вулфенсон известен в Америке не только как блистательный финансист, но и как человек, многое сделавший и продолжающий делать для упрочения традиций американской исполнительской школы, развития музыкальной культуры в Соединенных Штатах. Он председатель правления Карнеги-холла, лучшего в Америке концертного зала, а с недавних пор взвалил на себя еще и груз обязанностей председателя правления Вашингтонского Центра исполнительских искусств имени Джона Кеннеди.

Общественные, к слову сказать, обязанности. Без зарплат и без тех привилегий, на которые обычно рассчитывают наши общественники-добровольцы. Не хватало еще платить банкиру-миллионеру, и так денег, по-ди, девать некуда! — могут воскликнуть некоторые из нас. Ну и банкир-миллионер вправе возразить, если, конечно, захочет: а почему это задаром я должен тратить свое время, энергию и организаторские способности. Всему этому есть на рынке цена.

В Америке Вулфенсону таких вопросов не задают, и он контроверсам не огрызается. Все прекрасно понимает: делает человек очень нужное дело и испытывает удовлетворение от того, что он нужен искусству, которого он сам большой ценитель и которому покровитель.

Итак, Джеймс Вулфенсон указывает на типичную для нас в Союзе и для европейцев вообще ошибку в оценке привязанностей и наклонностей американцев:

— В Европе вообще и в Советском Союзе, в частности, искусство насчитывает куда более длительную историю, чем в Америке. К тому же мы не очень-то склонны кичиться своими достижениями в этой области. Мы, например, не ходим и не вдалбливаем всем мысль о том, что вы обязательно должны побывать на концертах Чикагского симфонического оркестра. Но я знаю, что, когда этот оркестр отправляется на гастроль — а в следую-

щем году, насколько могу судить, он будет и у вас, в СССР, — люди с ума начнут сходить: настолько великолепно мастерство оркестра... Вот и получается, что в Европе привыкли как бы свысока смотреть на нас. Но не уверен, что многие в Европе знают, насколько велико в Америке число всевозможных исполнительских коллективов — балетных, оперных, симфонических. Это к вопросу о том, каковы наши вкусы...

К тому же вопросу: согласно статистической сводке, подготовленной отделом исследований и информации «Метрополитен-опера», — есть ли, кстати, в нашем Большом театре такой отдел? — в сезоне 1988/89 года число оперных спектаклей, которые даны были американскими коллективами в Америке, возросло по сравнению с сезоном предыдущим на 17,5 процента, а число слушателей, пришедших на эти спектакли, — на двадцать один процент: их было в общей сложности двадцать два миллиона человек.

Из той же сводки: в Соединенных Штатах насчитывается 1.285 (!) оперных коллективов — начиная от «Метрополитен-опера» и кончая театрами студенческими. В репертуаре этих театров — если говорить о сезоне прошлого года — было свыше семисот тридцати опер, включая двести шестьдесят две оперы классические. И еще одна цифра: в том же сезоне в Америке состоялось сто шестьдесят пять всемирных оперных премьер!

Сезон нынешнего года только-только завершился, и соответствующей статистики пока нет: все данные будут проанализированы и опубликованы ближе к осени. Но по наблюдениям собственным, легко склоняюсь к мысли, что число американцев, побывавших на оперных спектаклях, опять возросло. И причем основательно.

Учтите к тому же, что в эту статистику не включены те спектакли — и слушатели, на них пришедшие, — которые каждое лето даются той же «Метрополитен-опера» и другими коллективами на общественных началах: в городских парках, например, куда собираются десятки тысяч человек. Вот в нынешнее лето в нью-йоркском Центральном парке, на большой его лужайке, где легко умещается при же-

лании до миллиона человек, давали — в концертном варианте — «Травиату» и «Риголетто». «Метрополитен-опера» делает это уже двадцать четыре года подряд. И она не одинока.

Приобщение рядовых американцев к нерядовой культуре идет темпами и масштабами куда более интенсивными и широкими, чем мы это можем предположить и, если говорить откровенно, чем мы это можем позволить себе. Даже если очень захотим. Но наша беда в том, что, как мне кажется, мы не очень-то и хотим. Те из просвещенных американцев, которые часто бывают в России, и потому имеют возможность сопоставлять, сравнивать, говорили мне о том, что искусство классическое уходит у нас в забвение, что оно превращается в пассива того искусства — в кавычках, — в пристрасти, к которому мы привыкли обвинять «загнивающий» Запад. Ирония и парадокс в том, что классика загнивает у нас и процветает на Западе.

...Неподалеку от дома, где разместился в Нью-Йорке «известинский» корпункт, есть фирменный магазин «Тауэр рекордс». Продает только грамзаписи. Пластинок там уже больше нет: внимая вкусам потребителей, магазин давно перешел только на кассеты и компакт-диски. В «Тауэр рекордс» два этажа, равные по площади и — я подсчитывал — по числу стеллажей. Этаж первый — музыка эстрадная во всех ее разновидности: джаз, кантри, поп, рок, блюзы, спиричуэлс. На другом этаже — только классика. Народу полно там и там, очереди у касс в равной мере внушительные.

Быть может, вы полагаете, что «Тауэр рекордс» — исключение, поскольку размещен он в самом центре Манхэттена, в двух шагах от «Метрополитен-опера» и от знаменитейшей консерватории «Джулиард скул»? Отнюдь. Америка и в самом деле, как говорит Джеймс Вулфенсон, обладает совсем иными вкусами, чем те, которыми мы, в Европе, американцев наделяем.

Впрочем, и у нас, выясняется, вкусы не те, которые, как казалось, нам свойственны. Вкусы надо воспитывать, развивать, поддерживать. Это аксиома. Но когда концертных залов

раз-два и обчелся, когда в Большой театр не попасть ни за что, когда в магазинах грамзаписи в разделах классики царит пустота, когда репертуар оперных коллективов остается тем же, что и десятилетия назад, когда на телевидении и радио — засилье того, что в Америке — день вчерашний, если говорить о музыкальных программах, и нет, в отличие от Америки, таких телеканалов, где, пользуясь англобританским выражением, «десятифутовой палкой» не прикасаться к «хэви», «софт» и прочим рокам, но где будут внушать зрителям и слушателям прелесть классики, — что, собственно, мы можем ждать тогда от самих себя? И чем поддерживать-то остается нам свой вкус? А ведь был он, был...

В нью-йоркском море радиоволн я могу отыскать по меньшей мере две станции, круглосуточно дающие классическую музыку, включая — по субботам — живую трансляцию спектаклей из «Метрополитен-опера».

Кстати, трансляции ведут вот уже пятьдесят с лишним лет. С их помощью, писала «Нью-Йорк таймс», «многие американские певцы впервые приобщались к оперному искусству, получая тот заряд вдохновения, который позволял им потом всерьез заниматься пением». Нью-Йорк — не исключение. Такие станции есть в каждом крупном городе Америки, да и в глубинке нетрудно их перехватить.

Как там у нас, в Москве, с круглосуточной классикой? А в Ленинграде? А в Нечерноземной полосе или, наоборот, в Черноземной?

Не считайте меня заклятым врагом поп-музыки — не такой я. Она мне очень даже приятна. Но ведь должен быть баланс, должно быть право выбора. У американцев оно есть. Мы его стремительно теряем. А вместе с ним теряется и представление о нас как о стране, вбирающей в себя лучшее, что было и есть в мировой культуре.

Это как с представлением о «самой читающей в мире нации», подкрепляемым фотографиями пассажиров метро с книгами и газетами в руках и милых девушек на парковых скамейках, исследующих красочные журналы. А если в ряд с этими фотографиями дать другие: залы американских книжных магазинов, ошеломляющие числом на-

званий книг, там продаваемых; витрина обычного, стандартного газетно-журнального киоска с сотней-двумя наименований — тоже где-нибудь в Америке...

...«Метрополитен-опера» объявила на днях репертуар следующего своего сезона — он откроется в середине сентября и продлится тридцать недель. За тридцать недель — двадцать две оперные постановки, включая пять совершенно новых. Сезон прошедший был таким же по интенсивности и таким же по уровню таланта тех людей, которые в спектаклях «Мета» были заняты, начиная от режиссеров Франко Джеффирелли и Гарольда Принса, а также от Сэмюэля Рами, удивительного баса, который с ума сводил публику исполнением партии Дон Жуана в моцартовской опере, и кончая сопрано Керол Ванесс, «подчиняющей сейчас себе вместе с другими американскими певицами мировую оперную сцену» (это мнение критика из «Ньюсуик»).

Следующий сезон в «Мете» будет отчасти русским. Заявлены Елена Образцова в «Маскараде» Верди, Евгений Светланов, который будет дирижировать постановкой «Бориса Годунова» с Паатой Бурчуладзе в заглавной партии.

Скажу откровенно: есть у меня некоторые волнения перед «русским сезоном». Нью-йоркская оперная критика беспощадна: даже если ты сделал немислимое и спел так, что зал после каждой арии захлебывался овациями, это вовсе не гарантия того, что на следующее утро рецензенты не измордуют тебя. Они профессионалы, они слышат то, что другим недоступно, — в зале «Мета» я всегда вижу людей с полной партитурой: они сравнивают исполняемое с написанным. И в рецензиях своих разбирать они будут исполнение так же — по нотам, да еще сравнивать с тем, как тот или иной пассаж был исполнен когда-то Карузо или Марией Каллас.

Рецензии бывают писаны так, что понятны они в основном только людям посвященным, но в этом, видимо, и состоит их прелесть: рецензии эти стимулируют исполнителей. Как я мог понять из бесед, американские исполнители к этому уже вроде привычны, они и в самом деле ждут от

критиков профессионально точного разбора, а не некоей политической оценки с перечнем прошлых заслуг и нынешних общественных нагрузок певца, дирижера, декоратора...

Как и прежде, сезон предстоящий не будет стоить федеральной казне практически ни цента. Вернусь к интервью с Джеймсом Вулфенсоном, который говорил мне: «Я очень бы хотел, чтобы вы донесли до читателей одну критически важную мысль: управление искусством в Америке практически никак не связано с правительством. И это чрезвычайно важно по нескольким причинам. Знаете ли вы, что в течение одного лишь года американцы жертвуют на благотворительные нужды свыше ста миллиардов — миллиардов! — долларов. Многие миллионы из этих сумм идут на искусство. Это дотации частные, а не правительственные, а потому вы можете сказать правительству, чтобы оно шло к черту, если оно попытается вмешаться в то, что вы делаете».

Собственно, и от жертвователей частных не ждут того, что они будут лезть не в свои дела. Вдова-миллионерша из Техаса, подписывая чек на круглую сумму, единственное, что может сделать, — это договориться о том, чтобы ее деньги пошли на постановку конкретной оперы. Вдову, конечно, пригласят потом на премьеру. Ее имя укажут в программках и — в случае особо крупной дотации — назовут один из закутков огромного «Мета» ее именем. Вот и все.

Но вдову, безусловно, запомнят благодарные слушатели.

У нас, в Союзе, сейчас тоже развивается меценатство. Это хорошо. Но то ли прессу я нашу не успеваю прочитывать внимательно, то ли по каким другим причинам, — только не всплывают в памяти материалы, где бы говорилось о том, как меценатство наше приходит на помощь искусству классическому с той же энергией, с той же молодецкой удалью, с таким же размахом, с какими стараемся мы вытянуть до «лучших зарубежных образцов» хэви-металл...

Александр ШАЛЬНЕВ.

(Соб. корр. «Известий» — специально для «Советской культуры»).

НЬЮ-ЙОРК.